

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ имени Э.ХЕМИНГУЭЯ

ТАНЯ ТРУНЁВА

Ветер

КНИГА ПЕРВАЯ Париж

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ветер

Таня Трунёва

Ветер. Книга первая. Париж

«Автор»

2020

Трунёва Т.

Ветер. Книга первая. Париж / Т. Трунёва — «Автор»,
2020 — (Ветер)

В Париже Таня случайно встречает одноклассницу Катю. Её история ошеломляет. Пропавшая для всех много лет назад после трагедии в сибирском городке, Катя под чужим именем попадает в женский снайперский батальон. Она переживает предательство, боль и изгнание, а также проходит через лабиринты непростых любовных отношений. И однажды, во Франции, Катя решает опубликовать книгу, способную изменить всё. Но прошлое её не отпускает...

Содержание

Пролог	6
1. Встреча	7
2. Сибирь	9
3. Сёстры	11
4. Бешень-трава	12
5. Коля	14
6. Перемены	16
7. Ариадна	19
8. Одноклассница	21
9. Побег	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Таня Трунёва
Ветер. Книга первая. Париж

Пролог

Париж – первая книга серии романа ВЕТЕР

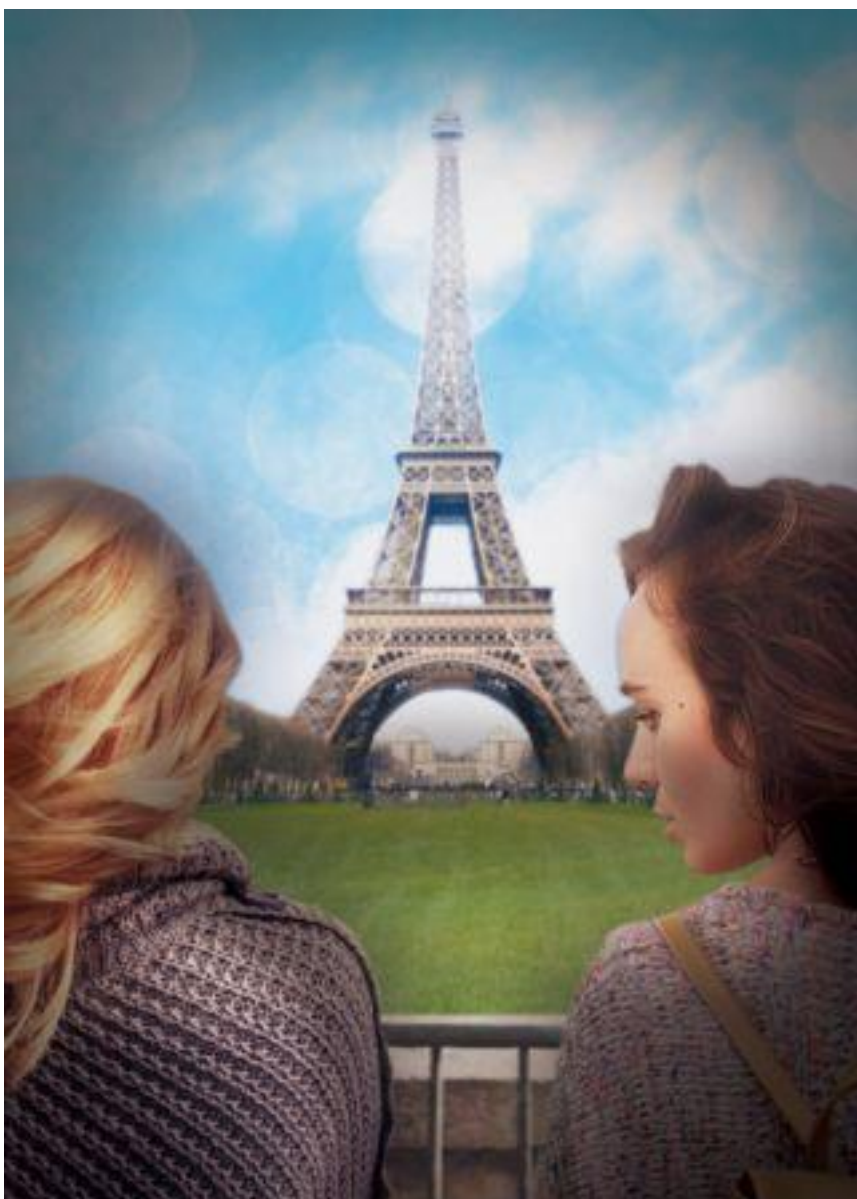
Детские мечты о Париже, а вот и он, желанный город! Но в пути героиню ждёт боль и рискованные игры, а ещё ... любовь, колдовство, побег, война и новая страсть, встреченная на другом континенте.

Она бежала, не разбирая дороги. Тайга гудела, словно живая, ветки рвали одежду, а воздух резал лицо. В детстве отец учил: «На охоте жалости нет. Выживает тот, кто смекалистее». Теперь это звучало как приговор. Но охотницей стала не она – охотились на неё.

И всё же впереди свет – огни чужого города, другого мира, где можно спрятаться, начать заново, пусть и под чужим именем. Она ещё не знала, что судьба проведёт её через разные страны и города, что любовь будет соседствовать с предательством, а смерть – с надеждой.

Ветер уже поднялся, и несёт Катю к интригующим встречам и опасным тайнам!

1. Встреча

Поразительными сюрпризами балует нас жизнь, сталкивая с забытым прошлым или с бывшими друзьями. Часто их истории, скрываемые долгие годы, выплёскиваются наружу, обдавая жаром приключений или холодом ужаса.

Увлекаемая весенним настроением, я вышла пройтись по шумевшей многоголосой толпой набережной Сены. Ветер колыхал в воздухе речную сырость, разбавляя её сладковатым запахом цветущей магнолии. Сегодня меня не отпускало предчувствие мчавшейся навстречу тайны, и хотелось погасить его в уединении.

Каменные химеры с высоты стен собора Парижской Богоматери взирали на меня с надменной гримасой. Я не спеша вошла в храм и, присев на скамью, тут же уплыла в потоке умиротворённости.

В мои спокойные мысли ворвался стук каблучков. Я краем глаза заметила изящную, со вкусом одетую женщину, она опустилась на скамью рядом. Сквозь гулкое пение органа проселестел её голос: «И прости нам прегрешения наши, как мы прощаем должникам нашим...»

Русская речь слышна в Париже повсюду. Я чуть повернула голову, чтобы лучше разглядеть соседку. Молодая светловолосая женщина, склонившись, шептала молитву. Она вдруг резко скользнула по моему лицу пронизательным взглядом.

Горячая волна туго перехватила моё дыхание, и в голове мгновенно прозвучал голос школьной учительницы рисования: «Рисовать с натуры сложно, а по памяти ещё труднее. Вот ты, Таня, посмотри внимательно на свою подругу Катю и попробуй её нарисовать». Я тогда подвела к окну хрупкую девочку и в тусклых лучах сибирского солнца долго разглядывала задумчивое бледное лицо, обрамлённое тёмно-русскими завитками: нежная кожа, пухлые губы, нахмуренные тёмные брови вразлёт и глаза... сверкающие, серо-голубые, как байкальская вода.

Под куполом торжественно вздохнули затихающие аккорды органа. Я выпрямилась, сдерживая дрожь изумления, и горячо шепнула:

– Катька?! Семёнова?

«Неужели она? – промелькнуло у меня в голове. – Конечно! Это её, всё тот же полный загадочного притяжения взгляд».

Я живо вспомнила, как штормило от сплетен наш провинциальный городок, когда, после трагедии в охотничьем домике, Катя внезапно исчезла, а разговоры о случившемся, пронизанные тёмными догадками, не стихали ещё несколько лет.

Блондинка явно меня узнала. Она передёрнула плечами, будто стряхивая смятение, затем внимательно осмотрелась. Собор, всегда полный туристов, был величаво просторен – лишь небольшие группы посетителей, занятых изучением витражей. Женщина кивнула мне в сторону двери, и мы вышли из собора на площадь Парви.

Я взяла её за руку, почувствовав крепкие пальцы, привыкшие к охотничьему ружью. Тёплая ладонь слилась с моей, прохладной от волнения.

– Помнишь? Мы учились в одном классе... в Усолье и дружили. Ты ведь Катя Семёнова? Как ты оказалась в Париже? Мы тебя давно считали пропавшей после того... – я запнулась, стараясь выбрать уместное «после того случая» или «после убийства» – мой шёпот обрывался уличным гулом. – Сколько же лет прошло? Однако, больше десяти...

Лицо одноклассницы мягко светлело, и разделявшие нас годы тонули в щебетании французской столицы.

– Я вот... приехала встретиться с... – Она помедлила.

– Да где ж ты теперь? Откуда приехала?

– Издалека.

2. Сибирь

Зима в тот год выдалась лютая, колючая. Застывшие груды снега, упираясь в окна, звенели рассыпающимися льдинками. Еловые ветки с нахлобученными шапками снега кивали голым осинам. Между ними, в обнимку с тонкими прутьями багульника, танцевала позёмка.

Молчаливое великолепие снежного утра нарушала предновогодняя кутерьма.

В преддверии праздника весь охотничий посёлок, как водится, крепко «сидел на стакане». Над входом в больницу сквозь намёрзший на лампочки иней тускло мерцал плакат «С Новым, 1977 годом!».

Подвыпившая акушерка, накрывая Ольгу одеялом, рассмеялась:

– Ну и угораздило же тебя в ночь под Новый год родить! Девка у тебя хорошая. Ты спи теперь, а мы догуливать пошли.

Вскоре Ольга проснулась от жгущей тяжести внизу живота. Попробовала встать, но не было сил. Кровь рубиновыми бусинками капала на пол. Ольга закричала, позвала на помощь – да слышны были только ружейные выстрелы за окном в честь праздника и трубивший басом ветер. А горячая вьюга, пылая в Ольгином теле, уносила её далеко-далеко...

После похорон жены Григорий подался на песцовую ферму к матери, доброй, немногословной Степаниде; там же жила его сестра Надя. До посёлка Григорий добрался на попутке. Скрепя унтами по утоптанной между сугробов дорожке и разбавля морозный воздух крепким перегаром, он заботливо прижимал к груди лёгкую ношу – завёрнутую в одеяло новорождённую дочку.

Мутный взгляд Григория зацепился за сахарные глыбы снега. Здесь они с Ольгой дурачились, лепили забавные фигурки, а потом согревали друг друга поцелуями. Теперь эти горькие воспоминания тонули в белизне ажурного мира зимы. Задубевшие на морозе деревья, печально склоняя ветки, расступались перед тропинкой к дому.

Слизав с замёрзших усов иней, Григорий толкнул бревенчатую дверь. Она вела в узкие сени. Мужчина тяжело вдохнул привычный запах квашеной капусты и кислого молока.

Войдя в избу, протянул матери свёрток:

– На вот, это теперь наше. Хотел пострелять всех фельшаров в больницу. Да что толку! Ольгу этим не вернуть... А девку растить надо, она вся в нас – семёновская.

Перекрестившись, Степанида приняла внучку.

– Как назвал-то?

– Катериной, – прохрипел Григорий.

– Царское имя, – всхлипнула Степанида. – Чего ж, царевна, тут теперь твой дом, а это сестра твоя, Светочка, – продолжила она, показывая малютке годовалую Надину дочку.

В далёкой таёжной глубинке проходило сиротское детство «лесной царевны». Работники песцовой фермы жили в посёлке из нескольких домов. Зимой их тесный мир уныло рисовался лишь чёрно-белыми линиями да округлостями снежных куч, матовых, как серый жемчуг. К весне пейзаж теплел голубыми, жёлтыми, а после зелёными красками. Добротное сбитое из толстых брёвен дома пахли внутри таёжными ягодами, острыми соленьями, сдобой и бражкой – домашним вином. В каждом дворе возвышался сарай для мелкого скота и уютная банька. Песцов держали в огромных клетках, где они, сытно накормленные, нагуливали серебристый нежный мех.

Маленькая Катя помогала бабе Стёпе и, несмотря на тяжёлый труд и мерзкий звериный дух фермы, научилась примечать и наслаждаться лесными радостями. Всё в этом царстве ей было знакомо: и радужно-хрустальный блеск таёжной зимы со звенящими от мороза ветвями сосен и кедров, и густо-зелёное чудо сибирского лета с дурманящим ароматом смолы и пушистого мха.

Юркая, гибкая, с нежным румянцем Катя напоминала цветок таёжного багульника, что вроде мал и неприметен, но так хорош своей необыкновенностью.

Когда ей исполнилось двенадцать, отец, ввалившись с мороза в избу, заявил:

– Катька! Завтра со мной на охоту пойдёшь.

– Не пушшу! Девка она и мала ишо! – запрочитала Степанида.

– Ты, мать, муру-то не пори, – оборвал её Григорий. – Я с охотниками с восьмилетства.

К этому занятию с детства привычка нужна. А что девка – да то лучше: у баб прицел острее. Ольга-то моя, царство ей небесное, соболя в глаз била.

Ледяным утром впервые почувствовала Катя вкус добычи. Ружьё казалось неподъёмным, от него пахло по-чужому пугающе. Отец поучал, как с ним обращаться:

– Ты на ружо-то не дави – оно лёгкость любит, а мушку на вздохе бери. На выдохе тело завсегда слабеет – рука может дрогнуть. Зверью в морду целься, а лучше – в глаз, чтоб мех не спортить.

Заметив на сосне белку, отец сделал знак молчать. Потом прижался жёсткой щетиной к дочкиной щеке, поправил ствол и, положив Катин палец на курок, выстрелил. Приклад ударил в плечо. От хлопка гулко застучало сердце, и Катька увидела кувыркающуюся по веткам белку.

– Ну вот и почин, доча! – усмехнулся Григорий. – Беги! Принеси!

Дрожа всем телом, еле переступая одеревеневшими ногами, несла Катя окровавленную тушку белки. У девочки горчило во рту, а щёки покрылись прозрачной коркой застывших слёз.

– Так, – вздохнул отец, – ты эти бабские штуки забудь! – и громко продолжил: – На охоте жалостей нету! Наше дело от мучений зверьё избавить так, чтоб сразу... Потому выстрел метким должен быть, а добывать подранков – дело тошное, – Григорий шершавой ладонью вытер слёзы с лица дочки. – То зверьё, что охотникам на мушку попадается, оно ленивое или дурное. Умный зверь затылком всё чувствует, этого не возьмёшь.

Отец достал скомканный платок, протянул Катьке:

– На вот, не реви. На охоте ведь... кто кого переумничит. А соболя вот – зверь норовистый, потому и в неволе не живёт. Не то что песцы вонючие в клетках на нашей ферме, их хоть голыми руками бери. Много таёжное зверьё поумней человека будет, и охотнику ихние повадки знать надо, да и всякие лесные причуды. Тайга тебя научит!

И тайга учила. Знойным летом она, как суровый учитель, хлестала Катькины щёки колючими ветками, когда та, пробираясь в зарослях, выслеживала зверя. В студёные зимние дни тайга заставляла пританцовывать в толстых валенках и вприпрыжку добираться до тайной охотничьей сторожки, где была спрятана от назойливых инспекторов пушнина и разная охотничья утварь.

Про сторожку эту знали только свои. Отец её в овраге выкопал, а внутри выложил брёвнами. И тепло, и сухо. На полках – сухари, консервы, травы и корни, бабой Стёпой собранные, такие, что силу дают. Бабка, когда травы собирала, и Катю учила, к чему какой корень и травка.

– Это вот красный корень, – показывала она внучке. – Пожуёшь – и целый день без воды и хлеба по тайге бегать можно. Никакая хворь не возьмёт. Пижма, подорожник... Это лист брусничный от простуды. А это, – Степанида вздохнула, – бешень-трава.

– Как это «бешень»? – удивлённо вскинула глаза Катя.

– А потому как мужик, если выпьет отвар той травы, заклинаниями наговорённый, то бесам отдастся, – прошептала баба Стёпа. – Тогда мужик словно бешеный, сил не имеет устоять от бабьего тела и полюбит без ума ту, что рядом с ним окажется. Мала ты ишо... Ну а как придёт твоё время – лучше мужику душой приглядеться, без бесовской помощи, потому как за колдовство всегда расплата есть!

3. Сёстры

Катя смотрела на фотографии мамы и верила, что та всегда рядом со своей заботой и нежностью. Девочка замечала материнские черты в самых светлых ликах природы: на пёстрых от цветущего багульника сопках, в сладостных утренних лучах или в мягких тенях сосен на свежем снегу.

Единственной подругой Катя считала Светочку, двоюродную сестру. К ней она тянулась всей душой. Особенно девчонки сблизились, когда Катя, окончив в райцентре начальную школу, поехала учиться в школу-интернат, в Усолье-Сибирское. Там девчонки несколько лет прожили в одной комнате. Катя хорошо ладила и с учителями, и с одноклассниками. В ней открылась завидная черта – умение замечать и усваивать лучшие качества окружающих.

В день Катиного приезда Света, влетев с улицы, застала сестру за разборкой маленького чемодана с вещами. Старое габардиновое пальто ладно сидело на Светкиной плотной фигуре. И вся она, сияющая и громкая, мгновенно наполнила задором убогую, с грубо побеленными стенами интернатскую комнату.

– Ой, что это? – весело зазвенела Света, показывая на картинки. Катя, разглаживая узкой рукой смятый глинец, старательно развешивала на стенах журнальные вырезки с видами диковинных пышных дворцов.

– Это Париж. Это – Эйфелева башня, тут – собор Парижской Богоматери, Монмартр. Я про всё это читала и книжки привезла: «Три мушкетёра», «Отверженные», «Королева Марго». Так интересно! И всё про Францию! – Катя взглянула в румяное лицо сестры. – Я ведь порой до рассвета читаю, а иногда так с книжкой и засну.

– Да ты серьёзная! Как взрослая! – вздохнула Светка. – А мне вот легенды нравятся. Про разных богов. Как сказки.

Хохотушка и непоседа, Света всегда была в центре внимания, пела и танцевала. Неусидчивая, она с трудом окончила восьмилетку и тут же побежала на курсы барменов и официантов.

– Кать, ты башковитая, – внушала она сестре. – В институт тебе надо. Нашу родственницу Нелю помнишь? Молоденькая такая. К бабе Стёпе приезжала. Она в Иркутске на геолога учится. Скоро заканчивает. Тебе уже семнадцатый год, попросись к ним подработать на лето. Среди умных людей покрутишься, подскажут чего.

4. Бешень-трава

И действительно, летом Катю взяли в геологическую экспедицию. Встретив приехавшую племянницу, Неля по-дружески распорядилась: «Со мной в палатке будешь. Она трёхместная, большая. Жених мой скоро приедет, мы с ним на одном факультете. Пока вместе не живём: у меня родители строгие. Свадьба в октябре. Тогда и начнём новую жизнь».

Геологические будни оказались Катьке привычны: тайга, скромная пища, из развлечений только рассказы о приключениях в походах, шутки да песни у костра. Охотница с позволения начальника партии, на радость геологам, постреливала из его ружья дичь, угощая всех свежей зайчатиной и куропатками. А вечерами, наполняя тайгу гулким звоном, Катя развлекала народ меткой стрельбой по банкам.

Она не ожидала, что скоро услышит иной звон во всём своём теле: пение новых чувств. Её, таёжную царевну, знающую все шорохи и дыхания лесные, осторожную и ловкую, ждало неизведанное...

Коля приехал под вечер на попутке. Неля с радостным криком бросилась ему на шею. Она каждому представила своего жениха с особой гордостью. Катя приблизилась к высокому темноволосому парню и вздрогнула от нахлынувшего смятения. Язык у девушки вдруг занемел, как в тот день, когда они со Светкой объелись ягод черёмухи.

Катя не понимала, как справиться с ползущей по телу горячей волной, когда Колин взгляд останавливался на её лице. Не могла Катя победить в себе и гнетущее беспокойство, мучительно сознавая, что этот парень уже обручён с её родственницей.

Алый зной сибирского лета оранжевыми брызгами разрисовал вечернее небо. Когда оно засеребрилось звёздами, сидевшие возле костра геологи вспомнили о примете: с падающей звездой загадывать желание. Вскоре все разошлись по палаткам, а Катя вдруг оказалась наедине с Колей. В его чёрных глазах танцевали блики огня, и фиолетовый небосвод, зацепившись за макушки кедров, сыпал в костёр звездную пыль.

– А у тебя желания-то есть? Мечты? Ты не говори, если секрет. – Коля перевернул догоравшие поленья.

Девушка подёрнула плечами:

– В Париж поехать. Я про этот город много читала. Хочу сама увидеть, так ли там всё, как в книгах написано.

Коля с улыбкой прошёлся по струнам гитары, напевая одну из любимых геологами песен:

– Ты что, мой друг, свистишь? Мешает жить Париж? Ты посмотри, вокруг тебя тайга, ла-ла-ла-ла... – прервавшись, сухо заметил: – В Париж? Желание хорошее. Только девчонки, ровесницы твои, другие мечты лелеют: о любви и за хорошего парня замуж выйти.

Ночь перемигивалась звёздами с редкими лесными светлячками. В траве шуршала засыпающая таёжная жизнь. От разомлевших на летнем зное елей и кедров сочился хвойный аромат, он мешался с запахами травы и свежестью ручья. Ветер играл этим букетом запахов, то унося его в небо, а то кидая в огонь костра. Катя наслаждалась этой волшебной ночной декорацией, а её брошенные украдкой взгляды осторожно ласкали Колино загорелое лицо.

– Тот, кого люблю, жениться собирается, поэтому в мечтах только Париж и остался, – вдруг неожиданно для себя выпалила Катя и, неловко оборвав разговор, направилась к палатке.

Но особой болью отозвалась та ночь, когда её разбудил тихий скрип раскладушки:

– Да спит она! Иди сюда, милый! – в слух прокрался Нелин приглушённый голос. – Тесно тут в спальнике, давай на пол.

Катин сон прервал звук возни и долгих поцелуев. Приподняв голову, в мутном свете луны, падающем сквозь узкое окно палатки, Катя увидела очертания совершенно раздетой парочки. Они лежали на войлоке между раскладушками. Когда глаза привыкли к темноте,

девушка разглядела сплетённые в объятиях руки и раскинутые ноги. Послышалось то замирающее, а то шумно стонущее дыхание. Вскоре палатка наполнилась запахом разгорячённых тел и каким-то странным волнующим сладковато-кислым ароматом.

Катка лежала, как скованная, пылая от непонятого возбуждения. Колины белеющие в сумраке голые плечи были так близко, что она едва сдерживала желание их коснуться.

Остаток ночи Катя металась как в бреду, а на рассвете бросилась подальше в лес, чтобы вволю наплакаться. Когда она, рыдая, зарылась в густую траву, внезапно кудрявый лист колюче уткнулся в её щёку. «Бешень-травка! – всхлипнула Катя, вспомнив рассказы бабы Стёпы. – Расти-расти, травка! – шептала она. – В конце лета я тебя сорву. Ты будешь мой, Коленька! Хоть с бесами – да будешь, иначе не вынести мне этой боли!»

Отгорело сибирское лето, отшумела и осень. Девчонки приехали на зимние каникулы. Из окна дома бабы Стёпы запорошенный двор, баня и сарай сверкали, будто покрытые белым лаком. Живой хрустящий воздух зимы принёс новые заботы жирного и пушистого охотничьего сезона. Но каждый вечер, засыпая, Катя вспоминала летние вечера и любимого. Это наваждение ловким зверем всюду ступало по её следу.

Однажды январским утром, блестящим морозной пылью, в избу ввалилась Светка с посылкой в руках.

– Вот! Неля с Колей из Иркутска прислали. С Новым годом поздравляют. Конфеты, да и всякое тут... И письмо тоже. Неля в командировку в Новосибирск уезжает, на две недели... А он...

Слушая болтовню сестры, Катя вспыхнула дерзкой мыслью: «Один он, один в городе! Моё время настало!»

– Я в Иркутск собираюсь, пока каникулы. Узнаю всё про институт. Может, книги какие куплю, – бросила она, будто невзначай. – Бабуль, хочешь чего-нибудь передать?

– Да привет передай, Господь с тобой – прокряхтела Степанида.

Вечером, взглянув на небо, Катя обомлела: полная луна заглядывала в окно жёлтым боком огромного шара. Вот она, судьба! Самое время сейчас... Достав спрятанный мешочек с сухой травой, Катя быстро вскипятила воду. Пузырьки варева танцевали в такт её шёпоту: «Нигде бы ты меня не забывал, Коленька, в еде не заедал, в питье не запивал, во сне не засыпал...»

В сонном доме лишь молчаливые стены кухни слышали это таинственное бормотание. Катя вдохнула приторный аромат таинственного зелья. Губы её высохли, и в груди растеклась горячая истома.

5. Коля

– О! Катюха! Какими судьбами?

Коля с широкой улыбкой открыл дверь.

– А Неля-то в Новосибирске! Ну я найду, чем тебя угостить. Проходи.

– Я вот приехала в институт зайти, посмотреть, что и как, – пролепетала Катя, входя в тесную прихожую.

Окунаясь в обстановку жизни своего любимого, она оглядывала двухкомнатную хрущёвку. Всё здесь ей казалось праздничным, освящённым его прикосновениями. И скромный коричневый диван, и торшер, и полки с книгами, и в беспорядке лежащие образцы минералов. В коридоре, снимая пальто, Катя взяла с вешалки Колин шарф и прижала его к лицу, до головокружения упиваясь волнующим запахом.

Они накрыли стол вдвоём, так естественно болтая и расставляя посуду. Катя не могла избавиться от навязчивой мысли, как было бы здорово вот так видеться с ним каждый вечер, окунаясь в тёплое счастье, говорить, просто чувствовать его рядом. Поставив на стол привезённые таёжные соленья, Катя открыла плоскую бутылку.

– А это что?

Коля раскладывал еду по тарелкам.

– Это? – Катюшка замялась. – Да... баба Стёпа настойку приготовила. Зимой она хороша. Попробуй вот.

Она налила полный стакан, и Коля выпил, похвалив удивительный вкус.

Засиделись допоздна. Николай рассказывал весёлые истории о прошлой студенческой жизни. А внутри у Кати вибрировал томный звук, похожий на протяжный гул, который она девочкой услышала в тайге. Тогда, вздрогнув от трубного пения сохатого, юная охотница с удивлением взглянула на отца. «Это он самку кличет. Тоскует. Гон у них...» – кивнул Григорий.

– Я тебе в спальне постелю, а сам тут, в зале.

Коля разложил диван и пожелал спокойной ночи.

Катюшка разделась, ощупывая своё пылающее тело и шепча, как в бреду: «Забыть, забыть! Он со мной как с ребёнком! А ведь всего на шесть лет старше. Вырвать его надо из сердца, как колючий сорняк!»

Она долго смотрела в темноту. Часы на стене показали полночь. Терзаемая и желанием, и страхом, она решительно встала: «Уеду! Прямо сейчас уйду. Вокзал тут рядом. Первая электричка в два ночи. Не могу больше терпеть. Только вот гляну на него одним глазком на прощанье». Катя накинула халат и тихо прошла в комнату.

Слушая ровное дыхание любимого, она присела рядом и долго глядела в полумраке на его лицо. Неожиданно Колины ресницы дрогнули, и он, сонно приподнявшись, уронил руку на её колени. Растерянная, оцепеневшая, Катя следила за этими движениями, молча глядя его жёсткие волосы.

– Катюша... – он прижался ближе, увлекая её на постель.

Вьюга ледяными пальцами стучала в окно, уличный фонарь, скрипя, моргал тревожным мерцанием. Под эту музыку ночи душа «таёжной царевны» вырывалась из груди и возвращалась в новое, повзрослевшее тело. Так Катя, привыкшая видеть дикое совокупление животных, встретила с человеческой страстью.

Колёса электрички глухо стучали по замёрзшим рельсам. Катя через подёрнутое инеем окно вглядывалась в проплывающие пейзажи. Она, упиваясь сладким страданием, видела в морозных искрах весь минувший день: утреннее пробуждение рядом с любимым, его смятение, бесконечные извинения и терзания укорами совести, когда он, пряча глаза, скомкал испачкан-

ную простыню; их прощание на вокзале, оборванное торопливым поцелуем и робким объяснением:

– Прости, Катенька. Не знаю, что на меня нашло. Как не в себе был!

И её ответное:

– Не кори себя, Коля! Я тебя с первой минуты полюбила. Вины твоей нет, и тайна эта только наша. Никто не узнает.

Заколдованная бешень-травой ночь, жаркая, липкая, стонущая, теперь постоянно жила с Катей. И вместе с той ночью к ней пришло что-то новое. Чувство притуплённого стыда и азарта, как у карманной воровки, впервые заполучившей чужое и желанное. И ещё – всё затмевающая любовь, от которой она уже не страдала, а наслаждалась, как чем-то своим, естественным. Так любят отражением в зеркале повзрослевшие девочки, восхищаясь мягкой выпуклостью линий тела, ранее плоского и угловатого и так они радуются своему превращению.

6. Перемены

Будни на ферме шли своим чередом. Степанида хлопотала по хозяйству, стараясь ухватить короткое сибирское лето за горячий солнечный бок и прислонить к нему овощные грядки. С утра, насыпав зерна курам, баба Стёпа бежала в огород. Маленькая, круглая, она всё успевала и умела бурно радоваться приезду внучек. Катя со Светой бывали на ферме почти каждые выходные, помогали бабушке и наслаждались её стряпнёй.

Света теперь работала в элитном баре. Задорная и разговорчивая, она быстро обзавелась нужными связями и частенько баловала своих деликатесами: французскими сырами, десертами, заморскими фруктами – редкими в сибирской глубинке.

– Ты, Катька, поправилась на бабкиных-то разносолах. Я тебе, пожалуй, свои юбки отдам, – засмеялась Света, глядя на налившуюся грудь и раздавшиеся бёдра сестры.

– А я вижу – с лица что-то сошла, вид замученный, – заметила Надя, Светкина мама. – Выпускные экзамены на днях. Не заболела ли?

В Усолье Света снимала комнату в частном доме. Простая обстановка: кровать, сервант, да стол со стульями. Стены украшены фотокопиями шедевров по мифическим сюжетам. Венеры и Дианы, праздно белевшие наготой, манящими формами напоминали саму Светку.

Лучистое утро пахло цветами шиповника. Света радостно встретила сестру на пороге и провела её на кухню завтракать. На столе, покрытом цветной скатертью, фарфорово сверкали блюда, щедро наполненные гладкими ломтиками сёмги, копчёным мясом и сервелатом. Молодая картошка с тонкой кожурой ароматно дымилась разомлевающим укропом.

– Я поговорить пришла, – Катин голос срывался. Она взглянула на расставленное перед ней гастрономическое изобилие, и в горле у неё запершило от лёгкой тошноты. – Не знаю, как и сказать. Беременная я.

Встряхнув русыми кудрями, Светка в недоумении уставилась на сестру и затараторила:

– Ты? Как? От кого? Что ж молчала до сих пор?! Неужто солдатик, что с тобой заигрывал? Когда ж вы успели?

Катя закрыла лицо ладонями, словно прячась от града вопросов. Подняв влажные глаза, она прошептала:

– На каникулах. В Иркутске.

Света вскочила, горячо процедив:

– Неужели с Колей? – и, уловив согласие в печальных глазах сестры, запричитала: – Стыдно какой! Он ведь Нелин муж и нам родня! Как это тебя угораздило?! На каких каникулах-то? Ты ведь туда и зимой, и весной ездила.

Катя молчала, с болью вспомнив встречу с Колей весной, когда он, сжав

руку и виновато глядя в глаза, твёрдо сказал: «Не приезжала бы ты лучше! Жена у меня. Забыть это надо!»

– Да сколько месяцев у тебя? – не унималась сестра. Что-то прикидывая, она с волнением загибала пальцы.

– Не знаю... – Катя отвернулась и, уперевшись взглядом в косяк закрытой двери, кусала губы. Вся её жизнь показалась ей вот так же наглухо запертой, потерянной навсегда.

– Думаю, с зимних не может быть: видно бы было... Ну и дура же ты! – выпалила Светка. – Так вот без матери расти, да и без отца тоже. Дядя Гриша, как женился во Владивостоке, так раз в год только открытки посылает. Папка называется! И я не углядела!

Она то вскакивала, то шумно плюхалась на скрипучую табуретку и начинала есть остывшую картошку. Катя глядела на накрытый стол, и яркие цветы на скатерти растекались сквозь слёзы по белизне тарелок.

– Ну вот что, – по-деловому скомандовала Светка, найдя в тумбочке записную книжку, – пойдёшь по этому адресу. Акушерка Валя. Она бабам уколы делает. Сразу выкидыш получается. У тебя только этот выход. Да вот возьми, ей отдашь, – Светка протянула завёрнутую в мешок шкурку соболя. – Тогда уж точно не откажет и дознаваться не будет.

Катя вернулась через час, бледная, подавленная, и молча легла на Светкину кровать в обречённом ожидании. Света, вернувшись из кухни со стаканом чая, застала сестру, корчащуюся от боли.

– Внутри разрывается, позвоночник выламывает. Валя говорила, всё быстро должно быть. Не могу больше терпеть! Не могу-у-у! – стонала Катька.

– Тихо ты! Соседи услышат.

Света сунула ей в рот пояс от платья и, утешая, начала гладить руки. Вдруг Катя, мгновенно раскинув ноги, с усилием выдавила кровавый сгусток, который, пошевелившись, неожиданно издал тонкий звук.

От испуга и удивления Светка завопила:

– Господи! Царица небесная! Ребёнок! Да у тебя, однако, седьмой месяц был.

Посылая все мыслимые ругательства в Катькин адрес, она опрометью бросилась к серванту и, облив ножницы водкой, перерезала пуповину. Заворачивая трясушимися руками в полотенце красный комочек, Света продолжала причитать:

– Что ж ты молчала, окаянная?! Мы чуть душу живую не сгубили. Ребёночек-то махонький и пищит!

7. Ариадна

– Матушка! Голубушка! Анна Андревна! Спасите девочку! Всё... моя вина! У сестры роды... преждевременные... – рыдала Света перед заведующей родильного отделения. – Что хотите: деньги, лекарства. В соболях ходить будете. Спасите!

Светкино лицо пылало, её перекошенный рот хватал воздух. Комкая окровавленный халат и прислонившись к стене, она сползла на пол. Подоспевшая нянечка сунула ей под нос флакон с нашатырным спиртом.

Малышка родилась примерно полчаса назад. Света с младенцем на руках бежала до больницы, а оттуда за Катей отправила скорую.

Анна Андреевна, повидавшая множество смертей и удивительных воскрешений, сухо бросала команды суетившейся вокруг девочки медсестре.

– Иди умойся, Света, в крови ты вся! А ребёнок... вряд ли выживет, мала очень. И двух кило нет. Но бывают случаи... Что можно, сделаем.

Катя несколько дней пролежала в больнице, слушая рыдания и упрёки сестры. Тупо глядя на облупившуюся стену палаты, Катя беспомощно уплывала по ручейкам слёз подальше от казнивших укоров совести. Резкие запахи больницы горчили во рту, а набухшая грудь сочилась молозивом. Закрывая глаза, Катя видела крошечное сморщенное тельце её девочки, их с Колей дочки...

После выписки сестры из больницы Света решила отправить её к бабе Стёпе на ферму. Чтобы Степанида не испугалась, увидев опухшую, бледную Катю, Светка сразу зачастила:

– Ба, ты с расспросами не лезь. Болела она; уже лучше. Врач сказал, инфекция. Отлежится тут пару недель. Продукты вот... Икра чёрная, ешьте. Она силу даёт.

Степанида вздрогнула, заохала, не понимая, бежать ли за бутылью со святою водой, за козьим молоком или за целебными корнями. Она распахнула пошире окна, и оттуда на Катю хлынула живительная сила смолистой, пенящейся травами тайги.

Поправлялась Катя медленно. Теперь в её душе, будто в старой коффе, зияла дыра. Ночами, слушая уханье филинов, она видела себя на ведьминском шабаше. Кошмарные сны наказывали за колдовство и лишали зачатого во грехе ребёнка.

Слыша, как баба Стёпа молится на ночь: «Прости нам грехи, вольные и невольные...», Катя, подавляя внутреннюю тоску и давясь слезами, шептала: «Прости!»

Утро яркими мазками догорающего лета закрашивало ночные видения. И тоска пятнлась, скрываясь до следующих сумерек, притуплялось и отчаяние от неразделённой, ворованной любви.

Светка передавала через водителя автобуса письма, обычно пару скупых строк: «Новостей нет. Хожу в больницу каждый день, но к девочке не пускают. Напишу».

Через месяц Катя вернулась в Усолье и устроилась на почту телеграфисткой. Поступать в институт она решила на следующий год. Теперь неразлучные сёстры жили вместе в Светкиной комнате. Малышку по-прежнему держали в больнице, и Света, надеясь на особое к ней отношение, обхаживала подарками весь штат нянечек и врачей детского отделения. Катя, холодея от мысли о плохих новостях, боялась даже зайти в больницу и спросить про дочку. Каждый вечер она с надеждой заглядывала в глаза сестры.

И вскоре Света вернулась домой сияющая:

– Завтра ляльку забираем. Выжила твоя дочка! Она уже почти четыре кило. Здоровенькая!

У Кати пересох рот и подкосились ноги. Два месяца, каждый день и час, она думала про девочку, ненавидя себя за слабость.

На следующий день сёстры, наклонив русые головы и затаив дыхание, разглядывали малютку. Катя, увидев своё дитя, вначале онемела, а потом с жаром выдохнула:

– Доченька, прости меня! Я буду всегда с тобой, милая! Кровиночка моя! Мне тебя растить надо.

– А как же институт? – шепнула Светка.

– Теперь уж торопиться ни к чему, лучше на заочное.

– Смотри, она не в нашу породу: реснички и глазки чёрные, бровки как нарисованные – вся в Кольку. Я ей имя дала – право на это имею, – назвала её Ариадна в честь той, которую Зевс бессмертием наградил. Раз выжила девочка – пусть носит это имя! – заключила Света. – Конечно, тебе решать, я... вот что подумала. Может, её на ферму отвезти?

– Тогда и я с ней.

– Ты погоди... Завтра мы вместе с тобой поедem. А потом... На ферме-то баба Стёпа девочку на козьем молоке вырастит, как нас когда-то. А ты на выходные приезжать будешь. У меня среди недели выходные, так и дежурство устроим.

– А что скажем? Откуда она взялась? – пролепетала Катя.

– Про Колю, конечно, молчать надо. Наша она! Твоя и моя! А откуда взялась – да откуда и все дети берутся, – хихикнула неунывающая Светка.

Резвая молва живо облетела ближайшие посёлки. Деревенские кумушки пару недель судачили, перемалывая новость о таинственном появлении на ферме малышки, но так и не вывели, кто же её мать. Диковинное имя Ариадна не прижилось среди местных. Девочку стали звать Ариной. Подрастая, она привыкла называть мамой обеих сестёр: мама Катя и мама Света.

8. Одноклассница

– Да-а, Танюш, я тебя помню. Только не Катя я давно и не Семёнова, – женщина слабо улыбнулась и сжала мои руки. – Но это сейчас не важно. Я ждала тебя, Тань. Ну-у... не совсем тебя, а кого-то, с кем поговорить можно. Видно, пора пришла высказаться.

Я с восторгом разглядывала одноклассницу, чувствуя, как пропасть времени между нами срастается, будто края раны.

Катя порывисто приблизилась, и мы обнялись, мягко коснувшись плечами. От её волос веяло модным ароматом. Воздушный шарф сполз с шеи, обнажив тонкий шрам, светлой полосой упирающийся в подбородок.

– Вот встреча-то! Просто не верится! Как в кино, – приговаривала она. – Это надо отметить!

Я кивнула на её шрам:

– Несчастный случай?

– Да, очень несчастный, – лицо женщины помрачнело. – Воевала я. В Чечне...

– Каким же ветром тебя занесло в Чечню-то из Сибири? – мне с трудом удавалось говорить спокойно.

– Каким ветром? Да тем, что по миру нас носит. Тем самым, который называют судьбой! – прерывисто выдохнула Катя.

Я стояла под весенним солнцем, холодея, как от сибирской вьюги, и с волнением предвкушала долгую, полную драматических событий историю. Катя начала рассказывать, и эпизоды из жизни моей подруги, словно оживая, застучали по парижским улицам то тяжёлой поступью военных ботинок, а то и лёгкой дробью каблучков модных туфель.

9. Побег

Короткие годы материнства стали для Кати чередой наполненных восторгом дней. Она теперь работала в две смены три дня в неделю, а четыре проводила на ферме с Ариной и Степанидой. Света же приезжала туда в Катины рабочие дни.

– Да пусти дитя, задушишь! Не кукла ведь... – шумела Степанида, вырывая маленькую Арину из материнских объятий. – И Светка, та вот тож така, приезжает с мешком тряпок и наряжает Аринку, а потом давай тискать. Не оторвать!

Зимой для малышки сёстры лепили весёлых снеговиков и наряжали пахучую ёлку, а летом плели венки из ароматных таёжных цветов и возили на Байкал купаться. Девочку баловали, нежили, обожали. В четыре года Арина знала цифры и умела читать по слогам, а Катя со Светой умилялись, любовались и восхищались.

С появлением Арины в Кате проснулись новые зрелые чувства. Изменились и голос, и походка, а вскоре в ней и вовсе исчез пацанский кураж девчонки из охотничьей семьи.

Катя давно не видела любимого. Через год после рождения дочки она поступила на заочное в Иркутский политех, но даже во время сессии не навещала родственников.

Она всё ещё любила Колю, но уже не страдала, а скорее тихо грустила, любясь чёрными ресницами Арины и её открытым взглядом. Ведь дочка, улыбаясь, приподнимала брови так же, как её отец. Арина была удивительно на него похожа. И вдыхая родной запах девочки, Катя знала, что любимый с ней, он рядом...

В тот угрюмый осенний день косматые тучи, обещавшие первый снег, нависли над сибирским городком свинцовым одеялом.

Света, запыхавшись, влетела в небольшое помещение почты.

– Кать, ты когда заканчиваешь? Дело есть.

– Что ты орёшь-то так? Заведующая ещё не ушла! – осадила её Катя.

Сестра приглушённо затараторила:

– Слушай, тут возможность заработать подвернулась. Михалыч, директор наш, говорит, что начальство из Иркутска приезжает. Двое их. На охоту и в баню после. Так вот, надо им стол накрыть. Всё уже приготовлено, только подать да потом убрать. Они хорошо платят. Вот задаток дали, – Светка потрясла увесистой пачкой рублей. – Михалыч говорит... не управиться мне одной. Советовал взять подругу. Да я лучше тебя возьму – деньги-то не лишние!

В бревенчатой охотничьей сторожке за роскошно накрытым столом гости в компании егеря Павла с азартом обсуждали подробности охоты. Говорили они развязно и громко, то и дело подливая друг другу водку. Зычный мат мешался со звоном посуды, стуком грубо брошенных вилок и хриплым гоготаньем. С сёстрами чужаки обращались бесцеремонно, приказывая по-барски: «Дай! Подай! Убери!»

От распаренных в бане тел стоял терпкий дух мыла и влажной берёзы, порой он мешался с резким запахом чесночной приправы для шашлыков и с ванильным ароматом сдобы. Безудержное пьяное веселье разгоралось.

– Не нравятся мне они. Мерзкие, и не начальство, а какие-то, похоже, бандюги, – шепнула Катя.

– Да ладно тебе! Скоро напьются да и уедут, а платят так, как ты на своей почте за месяц не заработаешь! – хмыкнула Светка.

Один из приезжих – грузный, с распаренным красным лицом, поманил Светку пальцем: «Тарелку бы надо сменить, хозяйка!» Катя вздрогнула, обернувшись на грубый хохот. Краснолицый, усадив на колени подошедшую с тарелкой Свету, огромными руками тискал её ноги,

задирая юбку. Второй из гостей – коренастый, коротко стриженный, – решительно встав, с влажной улыбкой направился к Кате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.